

АНАРЕЙ ИЛЬИН

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

**ПО ОХОТЕ
ЗА
СЧАСТЬЕМ**

Андрей Александрович Ильин

Практическое пособие по охоте за счастьем

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69412054
SelfPub; 2023*

Аннотация

Это вторая моя книга, обращенная к вам, женщины. Только она не о том, о чем вы подумали. То, о чем вы подумали, было в первой книге, называвшейся «Практическое пособие по охоте на мужчин». Эта книга не о мужиках. О гораздо большем. О несоизмеримо большем. Потому что о самом главном. О – жизни. О вашей жизни!

Андрей Ильин

Практическое пособие по охоте за счастьем

Персонифицированное обращение автора к читателю: к лучшей половине человечества

Это вторая моя книга, обращенная к вам, женщины. Только она не о том, о чем вы подумали. То, о чем вы подумали, было в первой книге, называвшейся «Практическое пособие по охоте на мужчин». Эта книга не о мужиках. О гораздо большем. О несоизмеримо большем. Потому что о самом главном. О – жизни.

О вашей жизни!

Ведь мужчины – это лишь часть жизни, у кого-то большая, у кого-то меньшая, но все равно не вся жизнь. Вся жизнь – это еще работа, образование, карьера, научная и общественная деятельность, диссертации, конкурсы, фестивали, гранты, престижные премии, звания, приемы, салоны, виллы на берегу Адриатического моря, знакомые в Большом и Малом театрах, Кремле и Думе...

Ну что, берете такую жизнь, заворачивать?

Нет?! Почему?

Ах, вы не верите... Считаете, что это невозможно, что

диссертации и Думы монополизировали мужчины, что они отхватили лучшие куски, оставив вам кухню, плиту и детские пеленки?

Ну, в принципе, да. Отрицать не стану.

Подавляющее большинство наших женщин обречены прожить свой век на кухне, в ванной, детской и ближайшей булочной, в то время как мужики где-то там, непонятно чего...

Так и есть! Только это ничего не доказывает.

Потому что в жизни нет слабого или сильного пола. Есть слабые и сильные личности. В общем, по Дарвину – более клыкастый жрет (читай – подчиняет) менее когтистого, за счет него обеспечивая себе сытое существование и выживание (читай – интересную жизнь). В свою очередь, того хищника жрет более сильный хищник. А того хищника – другой хищник.

Не согласны? Считаете, что сравнение неправомерное, что мы не животные и их законы нам не подходят? Да? А вы телевизор смотрите? Передачи, посвященные внутривидовой борьбе и естественному отбору? Да нет, не «В мире животных», программу «Время» или «Вести». Ну вот, а говорите...

Жрут друг друга, еще как жрут, еще так жрут, что львам и гиенам не снилось, так жрут, что хруст костей по всей стране слышен!

Мир что тот, что этот одинаково жесток. Везде есть хищ-

ники и есть жертвы. Дело другое, что в животном мире все очень явно – слабых едят, натурально, зубами. В нашем, человеческом, все гораздо запутанней и многообразней, хотя... хотя сути это не меняет – жрут нас, лопают, употребляют, например, не давая прожить жизнь так, как бы нам хотелось. Ну и что, что кровь не брызжет, жизнь ведь все равно не получилась. Или не получилась такой, о какой мечталось.

А очень хочется, чтобы – «такой».

А еще лучше – «та-а-акой!»...

Только одного желания прожить хорошо для хорошей жизни – мало. Надо еще уметь эту жизнь добыть. В борьбе. С миром, с себе подобными, с самим собой.

«Жизнь есть борьба» – это не я придумал.

А раз борьба, то должны быть какие-то правила. О которых я хочу рассказать. Не обо всех, но хотя бы о тех, что пригодились лично мне и многим моим знакомым. И которые, возможно, пригодятся вам.

По крайней мере, я хочу на это надеяться.

Хочу надеяться, что ваша жизнь, или, говоря казенным языком отделов кадров, биография, состоится. И будет очень благополучная и очень неординарная, не уместяющаяся на одном стандартном листе личного дела. Пересказ которой потребует отдельного многотомного издания. Серии «Жизнь замечательных людей».

А все остальное... все остальное приложится. И уж тем более мужики. Мужики приложатся к вам точно. Причем

чем более вы будете благополучны и чем более значимы, тем с большей охотой и более интересные мужики будут искать подле вас места. Потому как всем хочется иметь жену, которая «ого-го!», и никому – техничку тетю Фросю из третьего ЖЭУ, пусть даже у той Фроси ноги растут от верхней пуговицы фуфайки.

- Давайте заниматься собой, а не мужиками.
- Давайте решать свои проблемы, а не чужие.
- Давайте строить биографию...

Обращение к чуть менее лучшей половине человечества
Эту книгу, в отличие от первой, читать мужчинам не возбраняется. Потому что советы, относящиеся к строительству биографии, не имеют половых отличий, ни первичных, ни вторичных, ни каких-либо еще. Биография, она хоть и женского рода, но для всех...

А раз так, то не надо обращать внимания на обложку, надо – на суть.

Обращение к тем, у кого все еще впереди

Эта книга для вас!

Почему?

Потому что вам она может принести пользы больше, чем вашим родителям.

Опять почему?

Потому! Потому что только в молодости можно играть в биографию, как в лотерею, и, что поразительно, выигрывать! Причем шутя, мало чем рискуя и мало чем жертвуя. Ведь ни-

чего еще не мешает, не тянет назад – нет семьи, детей, незаконченного высшего, которое «теперь уже глупо бросать», нет разрядов, должностей, кабинетов, выслуг, сомнительных перспектив на повышение оклада, жилплощадь, нет стереотипов – вообще ничего нет, есть чистый лист, куда можно вписать что угодно.

А мы тот лист по совсем другому назначению...

Давайте не будем по другому назначению, давайте будем по назначению!..

Тем более что вам, как говорится, – все карты в руки. И все козырные...

Обращение к тем, «кому за... и за, за...»

Не уверен, что эта книга вам поможет. Ведь жизнь уже почти прожита, и что-то в ней вдруг менять – себе дороже выйдет... Но верю, что эта книга может помочь вашим детям и вашим внукам. Потому что очень плохо, когда наши дети повторяют нашу жизнь. Это все равно что остаться в школе на второй год.

Не надо второго года! Не надо детям зубрить уже пройденный вами материал. Новое поколение не должно топтаться на месте, на вашем месте. Должно искать свое. А иначе зачем мы?..

Объяснения и оправдания автора по поводу...

Того, что – с чего это он вдруг решил нас «учить жизни»?

С того, что не мальчик и имею некоторый жизненный опыт. И сверх того имею опыт экстремальный, потому что

где только не бывал и что только не испытал: голодал, холодал, изнывал от жары в пустынях, случалось – умирал (тех, кого интересуется, как изнывал и как умирал, отсылаю к ранее изданной книге «Большая энциклопедия выживания в экстремальных ситуациях»). Но самое главное, я наблюдал в тех чрезвычайных обстоятельствах людей и наблюдал себя, отчего, как мне кажется, стал что-то понимать в человеческих отношениях. И в связи с чем стал раздавать советы. Которые многимгодились. Отчего меня даже стали обзывать «директор жизни».

Хотя...

Однажды после лекции в университете ко мне подошла заплаканная женщина, преподаватель одной из гуманитарных кафедр. И сказала:

– Я даже будучи не знаю, как мне быть...

Неделю назад та женщина вытащила из петли своего пытавшегося покончить жизнь самоубийством сына.

– Это она, она во всем виновата! Она бросила его, стерва!..

Сын вешался из-за девушки, с которой «дружил» полтора года и которая вдруг от него ушла.

– Вы что-нибудь пытались сделать?

– Да, конечно. Я успокаивала его, объясняла, что она не единственная и не последняя, что не пара и ему повезло, что она ушла...

– Зря...

Зря она так говорила. Зря бредила свежую рану. Кто был

плох, кто хорош, повезло ее сыну или нет, теперь не имело значения. Имело – останется он жив или повторит попытку...

– Я знаю, кто вам сможет помочь. И вряд ли кто-нибудь еще.

– Кто? Психологи кризисного центра?

– Нет. Она.

– Кто «она»?

– Та девушка. Которая ушла от него. Только она сможет смягчить ситуацию. Уйдя не сразу, уходя постепенно. Дав ему возможность примириться с ситуацией.

– Но она!..

– Я знаю, что вам трудно принять такое решение. Потому что она виновница вашей трагедии. Но она же – главный ваш союзник. Она – яд. Но она и лекарство.

Убеждайте ее, уговаривайте, ползайте на коленях, платите деньги.

– Она не согласится.

– Может быть. Но шанс есть. Девушкам льстит, когда из-за них готовы повеситься. Но не когда вешаются. По-настоящему. Когда лежат в гробу. Я думаю, она согласится.

Через несколько дней я совершенно случайно узнал телефон той девушки. И позвонил ей. Я хотел уговорить ее уйти цивилизованно. А уговорил остаться. Потому что причиной конфликта была такая ерунда... Из-за которой чуть было...

Спустя полгода они поженились. И живут вместе до сих

пор.

Только не надо принимать меня за психотерапевта. Хотя бы потому, что я не врач. Наши функции различны и никак не пересекаются. Их задача – вытащить пациента из стрессового состояния, не дать возможности натворить глупостей, успокоить, умиротворить. Моя – «вылечить» ситуацию, вызвавшую стресс. Что уже не психология, а нормальная житейская рутина. А когда человек одолевает свалившуюся на его голову беду, тогда, возможно, и таблетки пить не надо.

Вот такая моя позиция.

На чем заканчиваю вступление и перехожу непосредственно к делу.

Часть первая, вводная, делающая попытку объяснить, что не все в этом мире так хорошо, как нам хотелось бы

Глава 1. О вреде голого оптимизма, или Кто сказал, что мечтать не вредно?

В молодости мы оптимисты. Нет, даже не так, в молодости мы отчаянные оптимисты, безудержные оптимисты, безбрежные оптимисты.

Нам с чего-то взбредает в голову, что в нашей жизни все будет хорошо. Отлично будет! Лучше всех! Причем само собой. Вот просто будет хорошо – и все!

С чего это вдруг хорошо, на каком таком основании и почему именно нам, мы не задумываемся. Просто живем в совершенной уверенности неизбежности грядущего счастья.

Может, мы идиоты?

Да вроде нет. Перспективы одноклассников, одногруппников, сослуживцев, соседей мы оцениваем довольно здраво.

Из этого ничего путного не получится. Конечно, не получится! Начального капитала нет, родители нули без палочки, да и сам...

Тому выше курьера не подняться.

Тот настолько туп, что в ПТУ без блата не поступит.

Эта от силы до первой сессии доучится.

Эти всю жизнь в мэнээсах проходят.

По тем тюрьма плачет.

Этот...

Тот...

Ну, в принципе, объективно – блата нет, денег нет, ума не палата, внешние данные – так себе... С чего бы им тогда в жизни хорошо устроиться?

Очень здраво мыслите. Про них.

А про себя?

– Как у вас насчет перспектив?

– У меня? Лучше всех! Денег – куры клевать не будут – устанут, вторая половина – с обложки журнала «Плейбой», квартира комнат на восемь с видом на Красную площадь,

обстановка...

– Ого! У вас, как видно, родители в Кремле работают? Премьер-министрами?

– Нет. Дворниками. В соседнем дворе.

– Ясно – из недвижимого имущества только дворницкая, из движимого метла.

– Ну...

– Так, может, у вас тетушка – вдовствующая королева?

– Тетушка – лифтер.

– Подруга – дочь мультимиллиардера?

– Нет.

– Ах, значит, вы в лотерею миллион долларов выиграли?

– Не выигрывал.

– Тогда с чего вы взяли, что у вас все будет хорошо?

– А как же иначе?! Конечно, будет!..

Примерно так мы думаем.

Все вместе.

И каждый в отдельности.

Думаем, что у того в жизни будет нехорошо, у этого поганно... а у нас все тип-топ.

Откуда такое взялось?

Я знаю – из детских сказок. Про Золушку. Которая вначале в семье и без всяких перспектив, а потом бац – и сноха королю.

Хотя, нет, это не наша сказка, так как та падчерица, прежде чем стать принцессой, крупу в погребке перебирала,

платья шила и, вообще, пахала, как их же папа Карло. Нет, наши сказки лучше. В наших сказках крупу не перебирают и Буратин стамеской не строгают. В наших вначале на теплой печке от безделья пухнут, потом щук ведром черпают и вышибают из них чего надо, как баксы из Валютного фонда. И даже потом палец о палец... на той же печи лежат, а она куда надо ездит.

Вот откуда произрастает наш сказочный оптимизм. Из Иванов-дураков и Дунек-дурочек. Которые не сказка, а вторая, после дорог, половина российской беды.

Вот интересно знать: если каждый юноша и каждая девушка так уверены, что у них все будет хорошо, то откуда тогда берутся неудачники? Те, которых несравнимо больше, которых меньшинство только в телевизоре, а вокруг нас на каждом шагу, в каждом подъезде. Они-то откуда тогда взялись?!

Об этом вы не задумывались?

Ах, им просто не повезло? А вам повезет.

Вы так уверены?

А я вот нет!

Ну-ка, давайте прикинем ваши перспективы. Подсчитав ваши возможности.

Для начала скажите мне, кто у вас родители и с кем они водят дружбу?

Зачем мне это знать? Затем, что мы – вы, я и все остальные – повторяем путь наших родителей. Хотя бы потому, что

созданы по их образу и подобию. Обычных – папы Толи и мамы Люси. А не какого-нибудь трижды графа, мультимиллионера и нобелевского лауреата. И эта, переданная известным вам путем, информация, записанная в ДНК, как на магнитофонную ленту, живет в нас, создает нас и руководит нами.

А вы думали, это только ваш нос на папин похож?

Как бы не так!

Достигнув возраста наших родителей, мы вдруг, с немалым удивлением, обнаруживаем, что сильно на них смахиваем. Что ходим, как они, говорим, как они. Что вот так поправлять прическу любила ваша мать, и отчего-то вы точно так же, сами того не желая, тянетесь рукой к челке.

Да бог с ними, с жестами. Характер начнет совпадать! Мысли! Суждения! И, получается, возможности!

Короче – яблоко от яблони недалеко падает. И той же яблоней прорастает.

Ну-ка, что там в генах ваших предков? Двести лет малярно-штукатурных и каменотесных работ? А вы желаете стать народным артистом?

Вы желаете артистом, а гены – мешальщиком раствора. Боюсь, гены окажутся сильнее.

Пошли дальше.

Где провели свое детство и отрочество? В небольшом особнячке в пригородах Вены или в не менее скромной двадцатикомнатной квартире в центре Нью-Йорка?

Нет? А где тогда?

В типовой двухкомнатной хрущевке, в рабочем районе среднестатистической российской глубинки?

Понятно...

Ну тогда, возможно, обстановка?

Питались с фамильного серебра, с переменной шести блюд, посредством мельхиоровых мясных и десертных ножей?

Что? Обходились одной, на все случаи гнутой алюминиевой ложкой?

Семейные традиции, балы, рауты, приемы, пикники?

Это – бывало. Один раз дядя Саша, который в гости приперся, так нажрался, что гонял тетю Нюру нашим топором по нашему двору, пока его дядя Толя табуреткой по башке не вырубил. Смеху было...

Хм...

Тогда, может быть, ваши друзья? Поди, учились кто к Кембридже, кто в Оксфорде?

Или в очень средней школе номер 180-й какой-то?

А как с языками?

Нормально с языками – четыре штуки знаю.

О! Французский, английский, немецкий, древнегреческий?

Нет, русский устный, русский письменный, русский мат и избранные места из «фени».

Верховая езда, фехтование, бальные танцы, этикет?

Тоже нет?

Музицирование?

Поем, когда выпьем.

О, вы знаток вин?

Ага, и одеколонов.

Так вы дегустатор парфюмерной продукции?

И еще лаков, клеев и гуталина.

Н-да...

А хочет туда же... Куда хотят все – в калашный ряд...

Нет, я совершенно не хочу доказать, что все безнадежно.

Вся эта книга посвящена тому, чтобы доказать, что возможно все. Что возможно даже то, что кажется абсолютно невозможным. Но только если не ждать, что все образуется само собой. Само – не образуется. Само собой бывает только хуже. И еще хуже.

А вот если взяться с умом и усердием...

Представьте себе поле где-нибудь в средней полосе России. Картофельное поле.

Задам вам загадку – что вырастет на картофельном поле через три месяца после посадки, если известно, что посадили картофель?

Ну?

Правильно – картошка.

А теперь представьте, что эта картошка вы. Что лежите себе на глубине сорока сантиметров и мечтаете, что вы банан. Ну, на худой конец, ананас. Вернее, даже не мечтаете, а совершенно в том уверены. Те, что лежат рядом, понятно,

картошка. Дураку понятно, что картошка. По определению картошка! Бульба!

А вы – банан. И вырастаете бананом. Или еще каким-нибудь экзотическим фруктом. Потому что вы не такой, как те, которые рядом. Вы – особенный.

Так вы думаете.

И вся прочая на поле картошка точно так же думает! Лежит себе на боку и думает, что она банан.

Да кто сказал такое?!

Агроном? Дурак ваш агроном!

Как может быть, чтобы на картофельном поле в центре России, засеянном картошкой, вдруг выросли экзотические фрукты-овощи. Что сеяли, чем удобряли – то и вырастет. Картошка вырастет! Сорта «синеглазка».

А вы как думали?

Зря думали...

– Но неужели все так плохо? Неужели ни одного шанса?

Почему ни одного? Есть шансы. Много шансов. Но только если не лежать. Если самого себя начать культивировать, сорт улучшать. Если быть для самого себя Мичуриным, который мог к лопуху киви привить. Тогда – конечно, тогда наши поля заколосятся мангами и папайями.

Но только если не лежать. Если работать. Пахать...

• Без «пахать» – ничего не выйдет. Пахота – главное условие любого успеха. Если не единственное.

А если не пахать, если мечтать, то...

Глава 2, рассказывающая о том, как происходит повторение чужой жизни, или Не мечтай – жизнь промечтаешь!

Что-что, а мечтать мы любим. Мечтать мы любим больше всего остального. Потому что это так здорово: залечь вечером в теплую кроватку, припасть щечкой к подушке, накрыться с головой одеялом и...

Вот едете вы на своем «Роллс-Ройсе» цвета «мокрый нью-йоркский асфальт», за рулем водитель, бывший чемпион «Формулы-1», впереди, конечно, личный телохранитель, а рядом та-а-кой парень... к тому же то ли сын Билла Гейтса, то ли брат Майкла Джексона... Ну, в общем, из вашего круга. Хотя даже не муж, так, бойфренд. А муж, он с вами не поехал, он остался чего-то там в доме доделать. Белом. Едете вы в казино, чтобы спустить тысяч сто сто пятьдесят в рулетку. Потому что это не деньги...

Или никуда не поехали, остались дома, отдохнуть, посмотреть телевизор. А там смотреть совершенно нечего. Там показывают снова вас. По всем каналам. Так как фильм с вашим участием третий месяц держит первые строчки в рейтингах...

В общем, у вас все хорошо, и жить вы будете если не вечно, то лет триста точно.

Ну что, узнали себя, мечтателя?

Нет? Совсем не такие у вас мечты. Пожиже? С «Жигулями» вместо «Роллс-Ройсов». Ну, понятно, бытие определяет воображение. Но все равно... Все равно о чем-то таком вы грезите. О чем-то большом, очень хорошем и принадлежащем лично вам.

И, значит, вам конец.

Что, так категорично?

Так категорично! Потому мечтатели – это самая угнетаемая часть населения. Пока они себе мечтают, циники и рационалисты действуют, забирая лучшие куски и оставляя мечтателей с большущим носом.

Все справедливо – дорогу осиливает идущий, а не стоящий на месте. И не лежащий в собственной постели. Тот, кто мечтает год, два, три, попадает в безнадежную ситуацию, называемую в шахматах – цейтнот. Когда вроде бы все выигрышные ходы знаешь и партия твоя, но поздно, время вышло. Все вышло. Упал флажок.

А чего тогда в сказке Илья Муромец тридцать лет и три года на печи лежал, а потом?..

Оттого, что в сказке. А в жизни... А в жизни, если бы тридцать лет лежал, весь мхом взялся.

Но если вам хочется услышать сказку... Расскажу одну. Сказку-правдушку. И потому чуть-чуть страшилку.

В некотором царстве, в одной шестой мира государстве в семье ИТР-супругов родилась дочь красоты невиданной, редкостной. Как она о себе думала. Долго ли, коротко – при-

шла пора красе-девице в первый «Б» класс идти одной очень средней школы. Только не понравилось ей в школе – учителя двойки ставят, мальчишки за косы дергают... «Вот закончу школу, – мечтала краса-девица, – жизнь пойдет такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать, – директора-вредины не будет, завуча-злюки не станет, химички-зануды след простынет...»

Долго ли, коротко – кончилась школа.

Начался институт. Где тоже все не слава богу. Зачеты, незачеты, «хвосты», сессии, отработки... Тоска зеленая.

Ну ничего, не век же маяться! Всего-то пять годков потерпеть, получить диплом, а потом...

А потом надо на работе себя показать с лучшей стороны. Которая не лицо и не фигура, а план, прибыль, дебет-кредит и прочее занудство.

Ладно, потерпим, годков десять, пока в начальники высьемся, а потом такая жизнь начнется, что та Золушка от зависти позеленеет...

Но потом опять не до жизни, потому что сильно захочется занять собственную квартирку, пусть даже малометражку, на которую еще десяток лет надо горбатиться.

Ну да бог с ним, десять лет не вся жизнь. Вся жизнь впереди, в новой квартире...

Потом уже не краса и уже не девица начинает ждать пенсии. Потому что, оказывается, настоящая жизнь начинается после шестидесяти! Нет, я вам точно говорю – на работу хо-

дить не надо, деньги хоть небольшие, но есть, времени свободного море, живи не хочу...

Только поздно.

Жить поздно.

И о счастье мечтать поздно.

Прошла жизнь. Мимо прошла. Мимо вас прошла...

А все потому, что любим мы откладывать на завтра то, что лучше бы не откладывать ни на мгновение. И откладываем, откладываем... В долгий ящик. Который называется гробом.

Ну а раз нам наша жизнь, по крайней мере нынешняя, не нужна, то чего мы обижаемся, что нами распоряжаются все кому не лень! Вначале родители, воспитатели, педагоги, потом – начальники, вторая половина.

Туда не ходи, так не сиди, об этом не говори, о том даже помыслить не смей, короче – стой, смиренно, кругом, шагом марш... Или ремнем по попе, кулаком по морде, из института – со справкой, с работы – с волчьим билетом.

И даже на пенсии, когда уже никаких желаний, кроме как тихо полежать на кровати, и тогда находятся командиры.

– Вставай, бабуля, пошли в зоопарк. Вставай!..

И за рукав с кровати на пол тащит. Прибить бы его, но нельзя, внучок все-таки.

Ползет бабка с кровати, охает, глаза закатывает, а сама себя успокаивает:

– Ничего, недолго, скоро подрастет внук, сможет сам в зоопарк ходить. И тогда...

А что тогда?

Ничего тогда. Могила с червяками...

Что же нам никто не скажет – опомнись, не откладывая жизнь на потом, живи сейчас!

Да оттого, что вокруг точно такие же легкомысленные мечтатели, как мы сами...

Глава 3, объясняющая, почему в черных стаях не бывает белых ворон, или С кем поведешься, от того и почернеешь

Да, да, это я снова насчет окружения, насчет ваших друзей, приятелей, сослуживцев, соседей, которые «гимназиев не кончали». И, боюсь, вам не дадут.

Потому что будущее всецело зависит от настоящего – от этого вот двора, этих подружек, этой компании.

Да чё компания? Нормальная компания, не хуже других. И даже лучше других – бухаем не чаще шести раз в неделю, колемся, только когда выпить нет, не воруем, если есть на что колотья, не деремся, если деньги сами отдают, с каждым вторым не милуемся, только с третьим... Очень интеллигентная компания.

А это неважно. Неважно, что не пьете, не колетесь и не милуетесь. Даже если совсем не пьете и не колетесь. Важно, что общаетесь – болтаете, молчите, рассказываете анекдоты, заигрываете. Просто общение для биографии бывает не ме-

нее смертельно, чем ежедневные десять кубов героина внутривенно. А бывает и более!

Да ладно ты, кончай запугивать! Чё будет с того, что мы разок-другой встретимся, потусуемся с пацанами...

В том-то и дело, что ничего не будет. В вашей будущей жизни не будет.

Потому как – с кем поведешься, от того и наберешься. И тем и станешь.

Нужны примеры?

Пожалуйста.

Поступивший в военное училище – становится офицером. Получив в нагрузку к погонам армейскую психологию. В соответствии с поговоркой: «Как надену портупею, так тупею и...» Нет, конечно, не тупею, но начинаю одевать окружающий мир в галифе и кирзовые сапоги и обращать внимание на чистоту подворотничков у знакомых барышень больше, чем даже на длину их ног.

И кто, скажите на милость, в том майоре-служаке сможет опознать своего разгильдяя-одноклассника?

Никто не сможет. Потому что одноклассник был рубаха-парень, а этот майор в кителе.

Соответственно, тот, кто отслужит десяток лет в милиции, превращается в лучшем случае – в мента. В худшем – в мусора. Со всеми вытекающими отсюда для преступников и домочадцев последствиями.

Не попал в милицию – попал на пять лет в колонию стро-

того режима неизбежно стал уголовником. По определению уголовником, то есть со своей походкой, языком, манерами, моралью, устремлениями.

Нет, я совершенно не хочу обидеть офицеров, милиционеров или заключенных, я лишь хочу на их примере показать, как окружение, в данном случае профессиональное, меняет человека. Хочешь ты того или не хочешь.

И даже если очень не хочешь...

Я тоже, попав в армию, хотел не материться. Ну так, из глупого, подросткового принципа. Вот, мол, не буду – и все. Остальные пусть, а я нет! Останусь такой красивой белой вороной в чернопогонной стае.

Нет, чувствую, не справляюсь, проскакивают матюшки один, другой, сто двадцать пятый... Видно, надо как-то по-другому.

Тогда я ввел правило, что если кто-нибудь услышит от меня нехорошее слово, то может подойти и дать мне щелбан. Охотники нашлись. Кому не захочется безнаказанно украсить лоб ближнего синяком.

Вот, значит, скажу я, например, про кого-нибудь из родственников, тут же подбегает ко мне мой приятель и – бац!

И снова – бац!

И снова...

До хорошо различимых шишек на лбу.

Вначале.

А потом...

Потом я матерюсь – они не слышат. Я матерюсь – и сам не слышу! Потому что это там, на гражданке, мат – нецензурная брань, а здесь, в армии, нормальный язык, ну типа как английский в Англии, без которого тебя не поймут и ты не поймешь. То есть тебе говорят – прошу тебя, поди вон туда и возьми, пожалуйста, вон ту штуку. А ты берешь совсем другую штуку и идешь совсем не туда.

В общем, пришлось мне тот язык изучить. По очень ускоренному курсу. Хотя не хотел. Хотя был уверен, что смогу не как все, что смогу сам по себе. Не вышло по себе, вышло – по их.

И всегда выходит. Со всеми.

Потому что человек, как ксерокс, копирует то, что видит. Только то, что видит. А чего не видит – того не может.

Ну не способен он вдруг, подобно графу Орлову, пройдя по вощеному паркету, присесть на софу, небрежно откинув полы фрака. Потому что не видел живых графов и не видел фраков, а видел только, как плюхается на дворовую скамейку Серый или Петруха. И, значит, садится, как они. И ходит, как они. И говорит, как они. И водку пьет, как они. Из горла.

А вот если бы он попал на великосветский раут, да не раз попал, а сто, тогда, конечно, стал бы копировать их высочеств. А кого еще?

Так что не надо испытывать иллюзий, не надо надеяться, что, живя в этом окружении, вы можете стать другим. Не можете. Можете только этим.

Что недооценивают многие юные особы, которые пока дружат с Колянами, но потом считают, что выйдут замуж за, скажем, англичанина и профессора естествознания.

Не получится за профессора. Да и просто за англичанина не получится. Потому что на первой же вечеринке вы по-свойски стукнете по голой спине какую-нибудь графиню, соорудите глазки графу, расскажете очень веселый анекдот виконту и... первым же самолетом отправитесь домой. Так и не поняв, что произошло.

А произошло неизбежное – привычки, которые вторая натура, взяли верх.

– А чего она, как будто я ей за пазуху лягушку сунула! Ишь какая нежная! Я же не пнула ее – только похлопала! У нас все всех хлопают. И не так. И ладно бы по спине. Я же ничего такого... Я от всей души.

Так что вы зря думали, что, гуляя с тем мальчиком, вы ничего не теряете. Много что теряете. Все теряете. В первую очередь пользующееся повышенным спросом обаяние юности. Которое было. Но было растрчено. И превратилось...

И почти всегда превращается. Потому что трудно понять, что просто прогулки, просто компании, просто дискотеки могут иметь такие катастрофические последствия.

Могут!

В науке биологии есть такой термин – мимикрия. Это когда насекомое, живущее среди зелененьких листиков, обязательно должно иметь зеленый окрас. А среди желтеньких ли-

стиков – желтый. В коричневый пупырышек, если лист имеет пупырышки. А если не зеленый и не в пупырышек, а, к примеру, голубой, то та букашка на том листе будет сильно заметна, и ее непременно сожрут.

Мы, конечно, не букашки, мы цари природы, но тоже не любим выделяться на фоне окружающей нас действительности. Предпочитая, сами того не замечая, сливаться с окружающим социальным фоном. Цветом кожи... простите, одеждой, надевая соответствующую униформу – кожанки или бобровые шубы. Манерами, опять-таки неважно – аристократическими или околуголовными. Разговором. Жестами. Мыслями...

- Потому что белые вороны в черной стае долго жить не могут. Они либо перекрашиваются в более практичный черный цвет, либо...

И, живя с волками, невозможно чирикать, а надо выть.

Или...

И, приходя в чужой монастырь, желательно свой устав засунуть... куда-нибудь поглубже.

Иначе...

Иначе вы станете изгоем. Чего среднестатистический человек вынести не может. От чего быстро сходит с ума. Или, чтобы не сойти, меняет окрас.

Глава 4, показывающая, до чего может докатиться человек, или Про дурные примеры, которые зарази-

тельны

Раньше я считал себя непогрешимым, считал, что не способен на подлость. Ну просто не способен, и все. Теперь знаю, что это были свойственные молодости иллюзии.

Способен я. На многое способен.

Наверное, даже и убить человека.

Этот излюбленный классиками пример человеческого грехопадения я и рассмотрю. Как самый показательный.

Итак – способен я или нет?

Раньше бы сказал – нет!

Однозначно – нет!

Если бы тогда, раньше, мне сказали, что я способен убить человека, я бы того человека, который посмел предположить, что я могу убить человека, убил бы на месте!

Теперь я не столь категоричен. Теперь я знаю, что, оказавшись в определенных условиях, я смогу...

И вы сможете.

И все смогут. И совсем легко смогут, попав в среду, где убийство человека обыденность и доблесть...

Например, на войну. Первую мировую, Великую Отечественную, афганскую, чеченскую или любую другую. Где за лишение человека жизни объявляют благодарности, дают отпуска и вешают на грудь ордена.

Или попав служить в Воздушно-десантные войска, где идеалистов-школьников перековывают в готовых на все бой-

цов.

Как?

Очень просто. Помещая в соответствующую среду. Годика на два.

Запоминайте рецептик.

Взять восемнадцатилетнего паренька, переодеть в камуфляж и поставить в строй, превратив в зеленое пятно на зеленом фоне. Потом, доступными младшему комсоставу методами объяснить, что «вы здесь не там», что про мамкину юбку можно забыть, и послать на полосу препятствий, на стрельбище и в наряд... Через месяц такой жизни новобранец готов прибить кого угодно. А еще через три мы получаем вполне законченного воина, способного, ради выполнения приказа вышестоящего командования, перерезать штык-ножом горло часовому или перерубить ему же шею саперной лопаткой.

Не впечатляет? Тогда расскажу о методах подготовки, практикуемых в спецслужбах. У «них». И, значит, у нас.

Берут заключившего контракт на прохождение действительной службы юношу и отправляют... Нет, не угадали. Отправляют в кинозал. Где усаживают в особое, с кучей ремешков, скоб и веревок кресло. Фиксируют, притянув к спинке тело, прищелкивают к подлокотникам руки, а ноги к ножкам. Зажимают голову, чтобы невозможно было повернуться. Особыми распорками оттягивают вверх веки, чтобы нельзя было закрыть глаза. И... начинают крутить кино. То-

же специальное. Снятое во время проведения спецопераций и потому не игровое – документальное.

Содержание фильмов подобно. Все они об одном – о смерти. Например, путем вскрытия брюшной полости беременной женщины посредством кухонного ножа... Или распиловки живого, находящегося в сознании, человека дисковой электропилой на две равные половинки. Вдоль. Или поперек.

Вы морщитесь? Вам плохо?

Тому, кто смотрит, тоже плохо. Вначале. Он даже пытается закрывать глаза и отворачиваться, за что его наказывают легкими ударами электротока. И заставляют пересказать увиденное. В подробностях. И задают вопросы, на которые надо максимально точно ответить.

Какая форма лезвия была у ножа?

Цвет глаз у жертвы?

Направление разреза?

Звук пилы, врезающейся в кость?..

Не ответил – повторный просмотр. И еще один. И еще. Пока испытуемый не научится различать конкретные частности, перестав обращать внимание на кошмарное целое.

Неделя-другая – и распорки для глаз можно снимать. Натуралистичные кадры уже никого не пугают. Убийство перестает быть убийством и становится не более чем суммой определенных манипуляций...

Становится профессией.

Студенты первого курса мединститута тоже пачками валяются в обморок при первом посещении морга. А потом ничего, привыкают. Одной рукой во внутренностях свежескрытого трупа копаются, другой с аппетитом булочку, купленную в буфете, кушают. Потому что какой там, к черту, труп, когда на носу зачет по патанатомии и, опять же, с утра ни крошки...

• Верно говорят – человек не собака, ко всему привыкнет.

И вы привыкнете.

И я.

Ко всему привыкнем. И даже к тому, что кажется невозможным.

Опять сомневаетесь? Даже после этого?

Тогда проведем небольшой психологический эксперимент с погружением. В ту самую среду. Давайте представим, что вы оказались в одной комнате с убийцами. С десятью разом. Или лучше с сотней. То есть сто их – и один вы.

В первую минуту и первый час – страшно. Ой как страшно!

Заходят такие с низенькими лбами и нависшими на глаза надбровными дугами душегубы-мокрушники, вытирают об рукава окровавленные финки и говорят:

– Сегодня двух зарезал – напроць бошки отпластал, как кочаны капусты. Одну принес. Там, в сенях. Стоит...

Другой на пиджак свой глядит и жалуется:

– Я ему перо в бок ткнул, а он, зараза, меня за полу –

хватать, и все пуговицы оборвал. Гад!

– Ага, гад, – соглашаются все.

Жуть! Кошмар!

В первые часы.

Но проходит день, другой, третий... И вы перестаете воспринимать всех тех убийц как единую, обезличенно-монолитную массу. Оказывается, они не все одинаковы. Есть более и менее добрые. И более и менее злые. Тот вон весельчак и балагур. Этот – зануда каких поискать. Вон тот – редкостный мерзавец...

Да какой весельчак, зануда и мерзавец?! Они все убийцы!

Все до одного!

Но поздно. Вы стали различать характеры, выделять более симпатичные вам и менее симпатичные. И вот уже у вас появились приятели. Да что там приятели – друзья. И появились враги. И, если вы, допустим, дама, появились любимые и любовники.

И все то многообразие человеческих отношений, что мы наблюдаем в обычной жизни, будет перенесено туда, в комнату убийц. Отчего жить вам станет сразу легче. Потому что такова природа насекомых и человека – не могут они быть белыми на черном фоне. Могут только черными.

Допускаю, что лично вы не будете резать и душить жертвы лично. Но уже не из человеколюбия, а по причине чрезмерной брезгливости или физической немоги.

Сами, возможно, не будете. Но будете оправдывать и по-

крывать своих приятелей, которые сделали грязную работу за вас. Станете ненавидеть их врагов. И дружить с их друзьями, которые тоже... И значит, станете ими. Станете убийцей.

Или...

Или даже хуже...

Несколько лет назад я читал о деле очередного потрошителя и людоеда. Который убивал и ел людей. Натурально, варил супы и делал котлетки. Но разговор не о нем, о его любовнице. Которая вначале не догадывалась о пагубной привычке возлюбленного и лишь удивлялась изобилию мяса на столе. Потом догадалась. Очень испугалась. Но не ушла. И потому со временем пообвыкла, приспособилась к обстоятельствам и жила довольно счастливо в семье и в сытости.

Ну я же говорю – человек не собака, ко всему может...

Настолько может, что, облегчая сожителю жизнь, она приводила в дом подруг, которых, повесив на крюк, вбитый в потолок, помогала освеживывать. И помогала варить. И ела...

Потому что с кем поведешься, тем и станешь!

Хоть даже людоедом!

Если «бытовухи» мало, могу привести исторические ссылки.

Про янычар слышали? Ну да, про тех средневековых карателей – огнем и мечом усмирявших Русь. А кто они такие, знаете? Нет, не чужие – свои. В том числе свои! Русские. Христиане. Которых угоняли в детстве в полон и превращали в палачей собственного народа. И эти «свои» были хуже

любых чужих, потому что не знали жалости ни к женщинам, ни к старикам, ни к грудным младенцам. Пусть даже эта женщина была не просто женщиной, а их родной матерью.

Почему такое было возможно?

Потому что окружение... В том случае турецкое.

Впрочем, может быть, не турецкое, может быть, свое.

Причем в общенациональном масштабе.

Великую французскую революцию помните? Или не менее Великую Октябрьскую? Которые возвели убийство ближнего в доблесть.

Гитлера с его концентрационными лагерями?

А времена врагов народа, когда весь народ...

Нет, хватит, хватит! Ну почему обязательно должны быть убийцы и людоеды?! Ну неужели нельзя найти какие-нибудь другие, менее кровавые примеры?

Какие?

Ну, например, чтобы выпускница ПТУ номер восемь устроилась уборщицей в Голливуд, была замечена известным продюсером в мужском туалете с тряпкой над унитазом, отчего сразу же стала звездой и женой Ди Каприо.

Ну ладно, пусть будет так. Только сути дела это не меняет. А лишь подтверждает формулу, что с кем поведешься...

Однажды случайно на улице я встретил своего давнего знакомого. Некогда умницу, вундеркинда, гения точных наук, подававшего сумасшедшие надежды. Мы встретились, и он похвастался, что живет очень хорошо, что скоро выйдет

в директора крупной коммерческой фирмы чуть не с четвертьмиллиардным оборотом. Что все как у людей – «десятка», улучшенная планировка, двадцать соток, Канары раз в год...

У него действительно было все хорошо.

И в то же время было плохо.

Потому что директорское кресло – это очень здорово. Но для другого. Не для него! Он должен был стать мировой величиной – Эйнштейном, Бором, Ферма, в крайнем случае, Биллом Гейтсом. Должен был получать Нобелевские премии, миллионные контракты, быть любимцем публики и за-всегдаем лучших салонов Старого и Нового Света. А стал «почти директором» коммерческой фирмы.

Он проиграл!

Хотя считал, что выиграл.

Он был уверен, что он сделал замечательную карьеру. И действительно сделал! Ведь в его окружении таких везунчиков по пальцам пересчитать можно! В своей среде он, наверное, достиг большего, чем Эйнштейн.

В своей.

Не в его.

Он ошибся в масштабах. Будучи чемпионом мира – попал на районные соревнования. И конечно, их выиграл. Районные. Хотя был чемпионом мира.

Он выиграл.

Он проиграл.

И все мы проигрываем. Оттого, что, попав в то или иное общество, принимаем за истину предложенные нам критерии успеха.

Строя свою карьеру в богом забытой деревне, мы стремимся стать старшими скотниками. Нет, не скотниками, а старшими скотниками! Что называется почувствуйте разницу! Или выходим замуж за старших скотников и тем утираем нос подружкам, которые отхватили просто скотников. А ведь действительно повезло! Потому что просто скотников в той деревне пруд пруди, а старших... И пусть попробует кто-нибудь убедить нас, что это не успех?

Убого звучит?

Убого! Но, только живя в той, отдельно взятой, деревне, понять этого невозможно. Потому как мечты определяет... Ну правильно – окружающий фон!

Отсюда попытаемся сформулировать главную мысль этой книги, равную главной цели любого человека, который желает чего-то в этой жизни добиться...

Глава 5. О главной составляющей жизненного успеха, или Что должны знать юноши и девушки, вступающие в жизнь (тем, «кому за... и за...», эту главу можно пропустить)

Когда молодым людям говорят родители или педагоги:
– Послушай, балбес, доброго совета – возьми за ум и

получи образование, без него теперь никуда!

Или говорят:

– Главное в жизни – профессия!

Они лгут! В глаза лгут. Хотя и не злонамеренно.

Нет, я совершенно не против образования и хорошей профессии... Наоборот – руками и ногами – за! Равно как за семью, деньги, карьеру... Но только это не цели, это задачи. Иногда второстепенные. А цель...

Цель должна быть другая. Совсем другая.

Главная цель и сверхзадача молодости – ПОПАСТЬ В ИНОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КРУГ.

Естественно, подразумевается, что попадание должно осуществляться путем карабканья снизу вверх, а не наоборот. То есть соцкруг, в который вы стремитесь, должен быть более значим, чем ваш.

За ваш вам воевать бессмысленно. Ведь он уже есть! Его добыли вам ваши предки и «предки» – прадеды, деды, папы, мамы, – заплатив за это своими жизнями. Стоит ли за то же самое приплачивать еще и вашей? За этот, на заводской окраине, район, эту разваливающуюся хрущевку...

Хорошо, пусть даже не хрущевку, пусть – пятикомнатную улучшенной планировки, в центре, с видом на мэрию! Сути дела это не меняет, так как то, что вы имеете, вы УЖЕ ИМЕЕТЕ!

Ну так успокойтесь. Перестаньте растекаться по сторонам, вас интересуют не площади – высота. Следующая сту-

пень социальной пирамиды. Карабкайтесь! И если вскарабкаетесь, то получите все желаемое – работу, образование, круг знакомств, любовников, мужа, приятелей, деньги, детей...

Но получите не здесь, получите – там!

Потому что где оказался, там и обживаешься.

Так, может, имеет смысл? Тем более что вы ничего не теряете. Не получится – вернетесь обратно. Путь назад, в вашу хрущевку или в вашу пятикомнатную в центре, всегда открыт. Упасть ниже – это еще надо умудриться!

Ну неужели вам не хочется влезть в телевизор? В ту другую, кажущуюся недостижимой жизнь богемы?

Ах, все-таки хочется? Но вы не знаете как.

Это уже другой разговор. Когда хочешь – возможности найдутся. Выбирайте.

Первая и самая гарантированная – поставить фишку на «предков». Когда «предки» – премьер-министры, министры, атташе, маршалы, мультимиллионеры, лауреаты и другие сопровождающие лица.

Не подходит? Нет пап маршалов? Ну так я и знал.

Тогда надо раздобыть деньги. Много денег. Да не полторы тысячи до зарплаты, а много. И купить доступ в высший свет за наличные бабки. За большие бабки. Потому как за маленькие чувство собственной значимости не приобрести.

Нет денег?

Тогда можно пойти в разводящие. Нет, не в армию. Армия

– это чистое фуфло. Настоящий разводящий – это, слышь, когда ты такой крутой братан с цепаком, мобилой, децелом, в прикиде от Версаче едешь с телкой в «шестисотом» «мерсе» и, блин, море тебе по щиколотку. Потому как ты «крыша» и этот их свет можешь развести, блин, на одних мизинцах.

Тоже мимо? Пальцы в стороны не гнутся? Это плохо, это надо лечить! Без этого в наше время...

Ну ничего, есть и другие способы. Более достижимые.

Например, поступить учиться в институт. Нет, не для получения диплома для обретения требуемого круга общения. Только в институтской аудитории можно легко и сразу стать своим среди чужих. Учеба стирает сословные рамки. Все – студенты, у всех одни и те же заботы – зачеты, «хвосты», пересдачи. А если вы еще можете дать списать... И вот вы уже – они.

Не вышло с учебой?

Тогда ставьте на профессию. Ходовая профессия, замешенная на таланте, тоже может служить пропуском в высшее, по отношению к вам, общество. Конечно, потрудиться придется на славу. При этом публичные профессии предпочтительней. Фотомодели, художнику, журналисту, кутюрье проще пробиться в общество, чем, допустим, слесарю-надомнику.

Легко и быстро могут ввести в общество «проводники». Ну то есть люди, которые уже находятся там и приходится вам дальними родственниками или приятелями родителей.

Они объясняют, порекомендуют, познакомят, поручатся, ссудят, протолкнут, и все такое прочее. Только надо заранее убедиться в их дееспособности, по маршрутам Сусанина мы и сами можем...

Следующий путь немного аферный, требующий особой изворотливости, умения быть в нужное время в нужном месте с целью оказания услуг (от бытовых, до околоуголовных и интимных) полезным людям. Короче, сплошные интриги на почве «чего изволите-с?».

Тоже не пошло?

Ставьте на талант. Талант – идеальный пропуск куда угодно. Хоть даже в кружок лауреатов Нобелевской премии. Рисуйте, лепите, снимайте, пишите, изобретайте, дирижируйте, танцуйте, боритесь за мир во всем мире.

И это не подходит?

А если спорт? Две-три олимпийские медали поверх торса откроют вам любую дверь. А если вы чемпион мира по борьбе в тяжелом весе, и еще пальцы научились...

Да, прыгать, бегать, метать вначале придется.

Ноги слабые, руки больные?

Попробуйте общественную и международную деятельность на поприще модных эколого-феминистских движений.

Языков не знаете?

Жаль!

Тогда вам остается расписаться в собственной несостоятельности и использовать способ распродажи себя – им. Фи-

зической. Если повезет, оптом посредством выхода замуж за представителя желанного вам класса. Если не повезет, то в розницу, предлагая себя одновременно за каждую ступеньку, приближающую к заветной цели. Продажу – гарантирую. Результат?..

Ну что, довольно?

И я думаю. Пора выбирать.

Причем выбирать быстро! Потому что жизнь, как поезд, на месте не стоит. Идет жизнь – тук-тук, тук-тук, стучат на стыках прошедшие дни. Успевайте переводить стрелки. Куда переведете, туда и приедете... А на месте не усидеть. Сидеть на месте значит ехать назад. Не использованных вами восемнадцати, двадцати, двадцати пяти вам уже не будет. Их уже проехали!

А чтобы вы мне поверили, приведу несколько контрольных для определения качества прожитой жизни, тестов. Которые я условно называю – тесты для...

Глава 6. Тесты для взрослых, или Упущенное видится на расстоянии (для прочтения взрослыми тоже не обязательна)

Всякий из нас в молодости слышал вздохи близких и дальних по поводу того, что:

– Не, ну ты прикинь, вроде только вчера в школу ходил, вот только вчера, а оглянулся – бац, сорок лет! Как будто не

жил!

А ведь верно сказано – не жил! Все эти двадцать пять лет. Просто не до жизни было!

Все какая-то суета, беготня...

Хочу напомнить один физический из школьной программы закон. Насчет движения. Равномерного. Когда по очень ровному пути, очень гладко и тихо движется вагон. Так тихо, что не понять, идет он или не идет. Или это тот, встречный поезд тронулся с места?

Так и жизнь, если ровно, без событий и достижений, без рывков и потрясений, то как будто ничего и не было. Как будто не жил.

Не жил!

Такова печальная истина.

Так вот, хочу, чтобы вы жили. Чтобы, оглядываясь назад, ваш путь представлялся вам бесконечной чередой событий, встреч и успехов. Чтобы как будто не одна, а десять жизней.

Так жить стоит.

Дорого стоит, работы стоит, бессонных ночей. Но – стоит!

Согласны со мной? Тогда считайте, что первый тест вы прошли успешно.

И снова цитата из жизни.

– Эх, дураки вы, дураки! Живете себе и не понимаете, что школа – лучшая пора жизни!

... Что институт...

... Что молодость...

А вы балбесы...

И такое слышали?

Уверен – слышали. И не раз. От родителей, учителей, соседей...

Так вот, это тоже – ложь. Пусть даже ложь во спасение. Не была школа лучшей порой. И институт не был. Просто так получилось, что дальше судьба не сложилась. Что пошло как-то не так, через пень колоду.

Тогда – понятно. Понятно, почему школа и институт – лучшая пора. Просто человек пошел под гору, и, когда оглянулся, пригорок, с которого он спустился, представился горой. Монбланом. Эверестом.

Но только потому, что он спустился!

Не могут школа и институт быть лучшим эпизодом жизни. Хотя бы потому, что это не вся жизнь, а только самое ее начало.

Ну не могут!

Не должны!

Если бы судьба тому выпускнику улыбнулась, если бы мир его востребовал, он бы вспоминал школу и институт по-другому. Также хорошо, но объективней. Говорил бы – здорово было, веселей, беззаботней, но... но уж больно долго. Можно было бы и побыстрее.

Не хочу, чтобы вы, достигнув зрелого возраста, говорили и думали так же. Хочу, чтобы говорили иначе. Что лучшее впереди, а не позади. Что всегда впереди.

Потому что так оно и есть!

А если не так... Если не так, то может получиться нехорошо. Даже не оттого, что объективно нехорошо, а оттого, что, защищаясь от своих комплексов, вы станете те комплексы компенсировать ложью. Станете изображать дешевого бодрячка. Доказывать окружающим, что у вас все хорошо.

Но в первую очередь доказывать даже не им. Доказывать себе.

Глава 7. О вреде самообмана, или Как дорого стоит сохранять хорошую мину при плохой игре

Вот интересно, почему, заболев, к примеру, ангиной, мы спокойно говорим, что заболели ангиной? Соответственно, забеременев, признаем, что забеременели. То есть так и говорим – забеременели. И не говорим: а, это меня просто раздуло. А вот если, не дай, конечно, бог, заболеваем раком...

Рак большинство из нас не признает. Ни в какую.

Да нет, это меня всего лишь тошнит... Всего лишь коллет... Всего лишь кусок ветчины третий месяц не могу проглотить.

Так, может, это?..

Нет, нет. Это просто он чего-то в горле застрял.

Отчего же мы, всю жизнь подозревая в мелких болячках рак, когда он приходит, его не узнаем?

Да оттого, что страшно узнать. Страшно услышать диа-

гноз, равный приговору.

Грипп – пожалуйста. Аппендицит – сколько угодно. От гриппа и аппендицита не умирают. А вот от рака... Или СПИДа...

Однажды я пришел в палату к своему неизлечимо больному товарищу. Выглядел он страшно. И все остальные пациенты этой палаты выглядели так же. Потому что выхода из этой палаты не было.

Мой приятель хватал меня за рукав и с горячечным блеском в глазах убеждал, что у него все хорошо. Что у этих – да, ни одного шанса, что не сегодня-завтра, что вчера вечером одного уже увезли. А вот он, он – другое дело, он явно идет на поправку...

Страшно нам умирать. Так страшно... Вот и обманываем себя – травки пьем, к колдунам ходим, импортные чудодейственные лекарства покупаем. До безумия доходим.

Привели однажды ко мне семнадцатилетнюю девушку-бомжиху. Не по призванию бомжиху, по дурости матери. Которая, умирая от саркомы и обманывая саму себя надеждами на спасение, умудрилась не оставить завещания, не привести в порядок свои дела и вообще напрочь забыть о своей единственной дочери! Она умерла, и сожитель выгнал ее дочь на улицу. А родственники не пустили на порог другой квартиры, оставшейся от бабушки. Прямая наследница двух квартир была вынуждена пуститься во все тяжкие, ночуя на вокзалах, в бойлерных, теплоцентралях. Из-за мате-

ри, которая позволила себе роскошь умереть в душевном комфорте, в уверенности, что завтра ее выпишут.

Я вручил ей деньги на билет, вручил Жилищный кодекс и сказал:

– Иди и дерись за свои квартиры. И ничего не бойся. Даже если тебя будут пугать. Даже если тебя будут пугать смертью. Лучше умереть в борьбе, чем в бойлерной!..

Можно осуждать мать, лишившую дочь крыши над головой. И нужно осуждать. Но нужно и понять! Понять, что в ее обстоятельствах мы бы тоже... Потому что боимся умирать. Боимся признаваться самим себе, что умираем. И начинаем сочинять всякую ерунду...

В жизни – так же. Признать несостоятельность собственной жизни – это то же самое, что признать рак в последней стадии. И даже хуже. Там хоть врачи помогут, растолкуют, успокоят. А здесь – кто?

Вот и выдумываем мы, что, да, у этих ни черта в жизни не получилось и у тех, а у меня... И с пеной у рта доказываем, что у нас все в порядке, что лучше всех. Причем чем больше пены, тем выше вероятность, что сидим мы по самые уши в... неудачах.

Доказывать состоятельность глупо, потому что невозможно, она или есть, или ее нет. Если есть, выпирает во все стороны – захочешь не спрячешь. Если нет, то тоже невооруженным взглядом видно.

Необходимость доказывать благополучие сама по себе

свидетельствует о неблагополучии. В том числе неблагополучии общества. Натужный оптимизм средств массовой информации – это, знаете, тоже симптоматика.

Но с другой стороны, если перестать себя обманывать, если вдруг все здраво оценить и признать, что все эти годы... То что тогда – в петлю лезть? Или с двенадцатого этажа?..

Нет, лучше пену пускать!

Так мы и живем, выдавая желаемое за действительное. Обманывая всех. Но в первую очередь – себя. Потому как несостоятельность – это не ангина, это... Сами знаете что...

Нужны примеры?

Будут вам примеры.

Разговаривал я как-то раз с женщиной, которая в свои тридцать с лишним лет ходила на молодежные дискотеки. Знаете, что она мне про себя рассказывала? Рассказывала, что стала гораздо интересней, чем в молодости, стала органичней, приобрела ауру, привлекающую к ней людей, что если раньше для нее общение было проблемой, то теперь...

Теперь проблем в общении она не испытывала.

Ах да, забыл сказать, для чего она ходила на дискотеки. Чтобы там же, в мужском туалете или за ближайшими кустами, быть употребленной пятнадцатилетними прыщавыми подростками.

Как вы сказали, кто она? Ну вообще-то...

Только это вы сказали. А она себе – по-другому.

Невозможно ей в ее случае назвать то, что она делает, тем,

что она делает. Или придется тут же, возле танцплощадки, искать сук потолще да покрепче. Ну или...

Или делать то, что делаем все мы, – доказывать, что в нашей жизни все не так уж плохо, что даже хорошо, и опять же аура...

Потому как все одинаковы – и мы, и она. Только у нее все очень явно, а у нас... Явно только для окружающих.

Не может человек признать бессмысленность своего существования. Сказать, что – да, все было зря. И все – неправильно.

Не может!

Не способен!

Давайте представим гипотетическую ситуацию, что всех нас согнали за город копать яму. Здоровую яму. Ну очень здоровую яму! Двести на двести и на сто пятьдесят. Всучили в руки кирки и лопаты, показали объем работ, призвали, припугнули – и пошло дело!

Вначале мы оценим нашу работу объективно. В непечатных выражениях с ссылками на их мам, пап и прочих родственников вплоть до шестого колена.

И потом будем, когда докопаем.

И еще некоторое время.

А вот после... Сильно после... Сильно после мы начнем искать нашей бессмысленной работе применение и оправдание.

– Ну давайте тогда построим небоскреб, раз котлован уже

есть.

– Нет, лучше зальем водой и будем разводить карпов.

– А может, еще немного покопаем, и тогда можно будет в Книгу рекордов Гиннеса...

Лет через десять-пятнадцать мы снова вспомним эту яму.

– Я в твои годы такую ямищу отгрохал, такую ямищу!.. Любо-дорого посмотреть. А ты, обормот, уроков выучить не можешь.

Вот уже и привкус легендарности появился. И стихи и песни о самой большой вырытой энтузиазмом и упорством сограждан канаве.

А это уже не неудача, это уже успех. Большой жизненный успех! Не могут же те, кто полгода копал, признать себя идиотами?

Не могут!

Ну и, значит...

Кто думает, что эта изложенная мною схема слишком примитивная и потому не работает, сильно ошибается.

Работает, еще как работает.

Например, очень хорошо работала у немцев, вернее, фашистов, которые бессмысленной работой ломали наиболее идейных своих противников. Причем именно бессмысленной. Потому что осмысленная, напротив, способствует укреплению человеческой психики. Отчего заключенные концлагерей с удовольствием трудились во благо Третьего рейха на подземных и прочих заводах. Тем более что немцы

умели добиваться того, чего хотели.

Хорошо работаешь – сносно кормишься, отлично работаешь – хорошо ешь, не работаешь – голод и карцер, саботируешь – для тебя приготовлены виселица и крематорий. В общем, кто не работает – тот не ест. И не живет. Отчего саботажников было немного. Гораздо меньше, чем передовиков.

С другими обходились куда как жестче. Их тоже заставляли работать. Но заставляли выполнять совершенно пустую, никому не нужную работу. Например, добывать камень – где одна бригада долбит породу, тащит камень за несколько сот метров от карьера и складывает ровными кучами, а другая параллельно им берет камни из куч и тащит обратно в карьер, укладывая на то же место, откуда их недавно брали. И так с утра до вечера в хорошем рабочем темпе.

В результате и заключенные при деле, и карьер цел-невредим.

Невыносима такая работа, потому как нет ей смысла и нет конца! Не вычерпать тот карьер никогда!

И люди ломались.

И даже несгибаемые борцы.

Эту пытку не немцы придумали, древнегреческие боже-ства придумали, заставившие Сизифа вкатывать на гору камень, который всегда скатывается вниз. Знали боги толк в измывательствах.

Другой пример, из опыта борцов за лучшее завтра.

Был такой рассказ про узников тюрем и лагерей, которые,

сойдясь вместе, стали спорить, какая пытка самая страшная. А уж в чем, в чем, а в пытках они толк знали – на себе испробовали. И клещи, которыми махом выдирали ногти из пальцев. И электроток. И специальные деревянные клинышки, с помощью которых можно растащить в стороны локтевую и лучевую кости руки. Много чего. Но худшей пыткой был признан... Нет, не тиски для причинного места, не раскаленные докрасна щипцы... Не угадали.

Почетное первое место заняла пытка, авторство которой принадлежало начальнику тюрьмы одного заштатного румынского городка. Которому, оправдывая свое недавнее высокое назначение, необходимо было показать себя с лучшей стороны. И он решил, добиться того, чего не мог в течение многих лет его предшественник. Добиться признательных показаний. Для чего он... разрешил празднование Первой. Да, да, именно так – всего лишь отметить праздник солидарности трудящихся.

Какая же это пытка? Это же... праздник!

А вы погодите. Вы дослушайте.

Случилось невозможное – тюремщики распахнули двери камер, и сидевшие в одиночках заключенные, впервые за многие годы, увидели человеческие лица. Лица своих товарищей по борьбе.

После чего политзэков пригласили на ужин. На праздничный ужин, где вместо пустой баланды было нормальное первое и второе. И были сладкие булочки!

Но и это было не все. Их выпустили в тюремный двор и разрешили митинговать, кричать: «Долой палачей!», петь песни: «Вставай, проклятьем заклейменный!..» – и составлять манифеста.

Они бушевали до утра. Они были счастливы.

А утром...

Нет, их не расстреляли из пулеметов и не пустили в камеры ядовитый газ. Что вам все время кровь и смерть в голову лезут? Самые страшные пытки бескровны.

Утром их развели по камерам.

Просто развели по камерам.

И выдали положенную баланду.

Отчего полтора десятка человек попытались повеситься на разорванных на полосы полотенцах или вскрыть вены случайным стеклом. А еще полтора десятка согласились на сотрудничество с полицией.

Они не выдержали пытку свободой. Раскаленные иголки под ногти выдерживали, а тут...

Новый начальник тюрьмы был не дурак, он понимал, что человек притерпевается ко всему – к камерам-одиночкам, к избиениям, к пыткам. И если не может изменить свое положение, начинает в нем жить.

• А вот если эту привычку сломать...

Люди вышли из камер не за тем, чтобы отпраздновать Первомай, чтобы вспомнить, какой бывает настоящая жизнь. С распахнутыми дверями камер, с булочками, с пес-

нями, человеческим общением. Люди вдохнули свободы.

Которую у них тут же отобрали.

И чего они не вынесли.

Что происходит с людьми, которые смогли, изменив точку зрения, взглянуть на свою жизнь со стороны, я наблюдал в армии.

Служит себе рядовой РА полгода, год, терпит воинские тяготы и издевательства «стариков», помаленьку привыкает, адаптируется, сам старичком становится, и вот уже ему сам черт не брат. Ходит с ремнем на... ну, в общем, где-то в районе живота, сухпай лопает, лычки зарабатывает, в самоход ходит и, в общем-целом, чувствует себя неплохо.

Но вдруг выходит ему отпуск на родину сроком на десять суток без дороги. Оформляет он документы и... И отрывается на десять суток по полной.

После чего возвращается в часть и... палит себе из автомата в область сердца или вешается на ремне.

Казалось бы, с чего?! Больше половины службы позади, «стариков» нет, все самое трудное в прошлом, служи не хочу. А он на трубе в сушилке висит.

Почему?

Потому что вдруг понял, что там, где он полтора года относительно благополучно жил, жить – невозможно. В сравнении с гражданкой невозможно. А если бы не поехал, не сравнил – то жил. Нормально жил – дембельский альбом рисовал, парадку начищал.

Это я к тому, что не надо будить спящую собаку. Живи, где живешь, и будь доволен тем, что имеешь.

Или не будь доволен, но тогда не сиди и не мечтай, а начинай работать, биографию строить, по кирпичику, по кирпичику...

Выбирать вам.

А если не выбирать, то можно в тридцать с лишним лет начать ходить на дискотеки и, умирая от рака, не оставлять завещаний и...

Много что можно. Чего не нужно.

Потому что неопределившийся человек – это как то самое, что плавает в проруби и ни к одному берегу прибиться не может. И чем больше не может, тем больше тем самым становится.

Почему?

Потому что хороший человек, но несостоявшийся человек – очень опасный человек. Вернее – самый опасный.

Глава 8. О хороших плохих людях, или Не бойся подлецов – бойся неудачников

Всякий молодой человек, имеющий технические способности, считает, что он Эйнштейн или, на худой конец, Капица.

Имеющий склонности к написанию сочинений уверен, что Лев Толстой с ним рядом не стоял.

Бренчащий на фоне готов переплюнуть Бетховена, если на гитаре – то «Битлз».

Кричащий со сцены в школьном спектакле мнит себя Станиславским и Немировичем-Данченко, вместе взятыми.

Не умеющий ничего подозревает, что он будущий Президент.

Потом эти Эйнштейны, Толстые и Немировичи поступают в институты и к концу третьего курса думают по-другому. Думают так.

Значит, возьму одну полную ставку плюс половину, плюс одну вторую, затем репетиторство по полтиннику за час, курсовые... итого на круг получится долларов двести в месяц. Не считая выходных...

Ну и где эти Эйнштейны?

Нет, устроились они хорошо, спору нет – там полставки, здесь... Станиславский бы обзавидовался.

Но... Но дело не в деньгах. Дело в Who is who?

А здесь...

Ну и как себя чувствуют наши непризнанные гении в чужих шкурах: Бор бухгалтера, Лев Толстой – журналиста заводской многотиражки, Бетховен тапера в ресторане?

Скверно чувствуют. И оттого сильно обижаются на окружающий мир. Но более всего на тех, кому, в отличие от них, повезло. И мстят им за их удачливость.

Не бойтесь подлецов, бойтесь непризнанных гениев. Рафинированные подлецы безопасны и вообще очень милые

ребята. Если, конечно, вы не встали им поперек пути. Если встали – сотрут в порошок и развеют по ветру. А вы не вставайте – дружите домами, играйте в теннис, пейте пиво, отдавайте за них замуж своих дочерей, и все будет нормально и даже еще лучше.

С непризнанными гениями так не получится. В отличие от подлецов, они бьют не только тех, кто задевает их интересы, эти бросаются на все, что подле них шевелится. Ну просто как цепные псы.

Очень им обидно за свою жизнь, за то, что они тоже когда-то надеялись перевернуть мир, но не получилось, не вышло, не дали.

Им не дали! А этим!..

Нет, ну почему у них не получилось, а у этих получается?!

Чем они лучше?

А ну иди сюда!..

И если тот неудачник пробился в мелкие руководители, то пиши пропало. И даже тогда пропало, когда вы ему приятель.

Снова приведу пример из армейской жизни. Из армейской, потому что армия тот катализатор, который усиливает брожение умов и кипение характеров. Там, в отличие от гражданки, все более понятно. Как говорится, все налицо, в смысле на лице.

Вот приходит новобранец в часть и... получает кулаком в рыло от «деда». Ну чтобы понять, что настоящий «ху» в казарме – солдат, прослуживший полтора года, а он всего лишь

«ху»... И на... И в... В общем – заслуженно получает. Хотя, на гражданский взгляд, вроде бы и незаслуженно, так как сам по себе он очень добрый, отзывчивый и мягкий юноша. Такой мальчик-одуванчик в кирзовых сапогах, неспособный муху, упавшую в компот, обидеть.

За первым ударом следуют другие. Новобранца бьют месяц, второй, третий. Бьют полгода, год... Пока он сам не становится «стариком». Причем, в отличие от тех «стариков», он хороший «старик» – добрый, мягкий, отзывчивый, который муху...

Но!

Но, черт возьми, обидно! Его били год, а этих никто даже пальцем...

Разве справедливо?

Несправедливо!

А ну-ка, ты, иди сюда!..

И по морде, по морде. Чтобы не думал... чтобы служба медом не казалась...

Примерно так очень хорошие ребята превращаются в не очень хороших солдат.

Примерно так крайне талантливые юноши и девушки трансформируются в негодяев. Причем в активных негодяев. Схема-то одна. Что – там, что – здесь. Только там – в морду кулаком и в ребра кирзачом. А здесь все тихо, интеллигентно, с обоснованиями, аргументами, ссылками и рекомендациями.

Мол, вы не в полной мере осознаете существо вопроса, и я вряд ли смогу взять на себя ответственность рекомендовать вас...

Уж лучше бы сразу сапогом! Ребро срастется, а судьба...

Однажды ко мне пришла девушка. Очень хорошая девушка, этакая тургеневская барышня, случайно затесавшаяся в наш жестокий век.

Что хотела эта милая во всех отношениях девушка?

Убить свою соперницу. И ее ребенка.

Нет, вы не поняли, действительно очень хорошая девушка. Буду настаивать на этом! Просто... просто она обиделась...

Несколько лет назад ей встретился парень, так себе парень, не герой ее девических снов. Но он был очень настойчив, он домогался ее днем, ночью, в выходные, в будни, он дарил цветы и забавные безделушки. Она пала под натиском влюбленного героя. А еще через почти три года вдруг выяснилось, что у него, кроме нее, есть семья – жена и дочь.

– А как же наша любовь?

– Любовь – любовью, а семья – семьей.

– Так разве мы?..

– А зачем? Нам и так нормально.

Обидно?

Конечно, обидно. Всем бы было обидно. Любишь его, сразу, три года, а он на тебе, двухлетнюю дочь имеет! Так и хочется ему в морду, в морду!..

– Ну и что ты хочешь? – поинтересовался я.

– Убить ее. И еще дочь. Он очень любит дочь, и если ее не будет, то...

– Что – то?

– То все будет хорошо.

– А я здесь при чем?

– Помоги найти мне киллеров.

– Кого?!

– Киллеров. Ну которые людей убивают. Я уже и деньги накопила.

– Сколько?

– Уже триста рублей.

Ну не дура ли?

Да нет, не дура. Сильно обиженный человек, который сам не ведает, что творит.

– Ну хорошо, предположим, мы найдем киллеров и ухлопаем ее, ребенка, заодно уж тещу, ее пуделя, деверя, всех прочих родственников до второго колена и соседей по лестничной площадке. Всех порешим. За триста-то рублей...

Только что после? Думаешь, он к тебе вернется?

– Конечно, вернется!

Н-да. Обида разуму не внемлет. Хотя кое в чем...

– А чего же ты хочешь убить жену, а не его самого? Виновник-то он! Так, может, лучше его?

– Как же его! А с кем я тогда останусь?

Думаете, абсурд?

А вот и нет – почти стенограмма одной из имевших место в действительности бесед! Ну ей-богу!

Не можем мы жить в состоянии обиды. Некомфортно нам. И в расхожей, стократно обыгранной в кино и анекдотах фразе «Ты меня уважаешь?» суть – не юмор, суть – осознание того, что человек не может жить, будучи никем и ничем. Даже на самом дне не может. Даже ниже дна не может. Нужно ему быть хоть чуть-чуть значимым, хоть вот в этой конкретной компании.

– Нет, ну ты меня уважаешь?

– Да ладно, уважаю.

И сразу хорошо. И жить хочется. И водка: на десять градусов крепче.

Могу привести более масштабный пример. С целыми поколениями. Когда более молодое учит жить более старое, говоря:

– Эх вы, деды, на что жизнь положили, на ерунду положили!

А старики не соглашаются. Не соглашаются, что прожили зря. Возражают:

– Да мы... Да вы... Да вас... Да в наше время... А теперь...

Все правильно, ведь они совместными усилиями такую ямищу отгрохали, такую ямищу!..

Вполне может быть, что очень важную и нужную. Это не нам решать, это истории решать, лет так через тысячу. Но

даже если та яма ни уму ни сердцу, даже если жизнь прошла зря, все равно признать это невозможно.

Невозможно!

Ни им.

Ни кому-либо другому.

И значит, лучше не нервируйте стариков. Вы в их возрасте про свою ямку такого наплетете... Хотя ваша, возможно, воробью по колено будет.

Глава 9, формулирующая главное условие успеха, или Кто не успел, тот опоздал

Иногда опоздал окончательно. Ведь чем позже подверг жизнь сомнению, тем сложнее признать ее реалии, потому что ту яму уже углубил и расширил и бросать ее...

Соответственно чем раньше сообразил, что идешь не туда, тем проще изменить направление движения.

Отсюда любое недовольство нынешним своим положением следует истолковывать как повод для серьезного анализа истинного состояния вещей.

И даже если ничего не тревожит, полезно изредка задавать себе вопрос: а верным ли путем ты идешь, товарищ?

Я понимаю, что трудно вот так вот взять и подвергнуть свою жизнь сомнению. Ведь если выяснится, что что-то не так, то придется образ жизни менять. А это...

Это примерно так же, как подозревать мужа в измене. По-

дозревать можно сколько угодно, но не дай бог утвердиться в своих подозрениях. Тогда что? Тогда надо как-то реагировать – выгонять мужа из дома или уходить самой, а уходить не хочется, да и некуда, и денег для того, чтобы жить одной, не хватит... И... остается только убеждать себя, что у вас все нормально, что муж вас любит, а помада на щеке – это от того, что он в автобусе в страшную давку попал. В общем – типичная ангина.

А вот если бы та женщина, заподозрив неладное, занялась собой, приобрела ходовую профессию, научилась зарабатывать деньги, то послала бы мужа-изменника... А если бы загодя приобрела, то муж сто раз подумал бы, прежде чем взглянуть налево, понимая, что жена от него не зависит и может в любой момент хлопнуть дверью.

Не надо ждать, когда вас припрет, когда припрет – может быть поздно.

Особенно это относится к слабому полу. У них «поздно» наступает быстрее, чем у мужчин. Нередко с первым ребенком. На которого два, а то и три года отдай – не грехи. И на следующего отдай. А мужики в это время перспективные места занимают.

Все, что женщина успевает сделать на перспективу, она успевает сделать до родов. Конечно, бывает по-другому, бывает, что у счастливой мамы пять няnek и муж готов кормить ребенка грудью, предоставив ей полную свободу действий. Чего не бывает... Но лучше исходить из худшего. Из

того, что природа, муж и общественное мнение пригнут вас к ребенку. И понимая это, с семнадцати лет и вплоть до... не на танцульки бегать, а пахать как черт. Как два черта в одной упряжке.

Чтобы успеть.

Развить.

И потом продолжить.

А чтобы не лениться, придумать себе страшилку. Да даже и не придумать, просто понять, что вас ждет в будущем. Что ничего не ждет.

Глава 10. О пользе экскурса в будущее, или Страх как средство достижения счастья

Хотя хотелось бы, чтобы мечта. Тяга к лучшему...

Нет.

Верю в мечту, как в повод, как в средство – нет. Мечта слишком абстрактна. Когда-то потом, что-то такое, непременно со мной...

А что конкретно-то?

Ну что-то очень большое и хорошее.

Короче, сплошная лирика. Причем абстрактная лирика.

В отрицании мы гораздо более конструктивны. «Не хочу» мы формулируем очень точно.

НЕ хочу голодать.

Значит, найдем способ обеспечить себя какими-нибудь про-

дуктами. Пусть даже с чужого огорода.

НЕ хочу быть без крыши над головой.

Дом купим, шалаш построим, на вокзале прикорнем, в теплоузел заберемся.

НЕ хочу, чтобы меня били.

Отчего пойдем в секцию бокса, дзюдо или бега. Ну чтобы или сдачи дать, или быстро-быстро убежать.

Все очень конкретно и понятно. НЕ – не как что-то потом и обязательно в лучшем виде, а то, что надо, и теперь.

Было бы очень неплохо подобную конкретику перенести в область мечтаний (к чему я еще вернусь).

Или хотя бы напугаться. Как следует напугаться. В смысле напугать самого себя своими перспективами.

Очень помогает, рекомендую. Особенно в юности.

Что для этого надо сделать?

Ничего особенного. Прийти домой, сесть где-нибудь в уголке и внимательно посмотреть по сторонам: направо, потом налево, потом вверх, вниз... Так спокойно, не спеша, отмечая пятна на обоях, поцарапанную полировку на мебели, истертую обивку на креслах. Имеет смысл заглянуть в холодильник, где, кроме трех яиц и уксуса, шаром покати. Проверить заначку с пятьюдесятью рублями до получки... И понять, нет, даже не понять, прочувствовать, что через двадцать лет вы будете жить здесь же и так же. С теми же обоями, мебелью и пустым холодильником.

Почему, объяснять не буду, уже объяснял в начале книги.

Но то, что будете, – точно!

Что, не хочется здесь и так же всю оставшуюся жизнь? Не хочется, как родители?

Большинству не хочется.

И даже тогда не хочется, когда евроремонт, евромебель, в холодильнике трехлитровки черной икры, а в заначке полмиллиона баксов. Все равно не хочется, как родители. Скучно, как родители. Хочется чего-то другого, незнакомого, более интересного.

Только не будет другого. Будет то, что будет!

О чем вы догадываетесь, но чего не хотите принять.

А вы перенеситесь лет так на десять-двадцать вперед и прикиньте, кем вы станете. Только по-честному.

Ну, что увидели?

Черный «Мерседес», пятиэтажная вилла на берегу не нашего моря...

Нет, так не пойдет, я ведь просил по-честному. Исходя из унаследованных генов, социального круга, способностей, финансовых и прочих возможностей. Исходя из реальных предпосылок.

Ну вот уже и нет «Мерседеса», есть подержанный горбатый «Запорожец», и дача не в пять этажей, а в один, размером, архитектурными формами и материалом напоминающая большой дощатый сортир. А вон и вы в рваной футболке с граблями в руках сгребаете мусор.

Эта картинка уже ближе к истине.

Да, лет через десять-пятнадцать примерно так все и будет выглядеть.

Ну что, не стало страшно?

Стало.

Значит, у вас появился шанс на изменение вашего будущего. Чего я и добивался. Потому что страх, в отличие от мечты, очень конкретный стимул, заставляющий действовать, а не парить в небесах.

Не надо тебе того «Запорожца» и той сараюхи?! А раз не надо, так давай начинай, шевелись, действуй! Иначе...

Иначе сам знаешь, что будет!

Или будет еще хуже.

Гораздо хуже.

Или пусть даже лучше. То есть вместо подержанного «Запорожца» – «почти новый» «Москвич-401», вместо дачи из досок – дача из бэушных железнодорожных шпал...

Что – большая разница?

Или вы считаете, что я в своих прогнозах немного преувеличил? Насчет «Запорожца» и шпал?

Может быть...

Но тогда очень правильно сделал, что преувеличил! Тут тот случай, где лучше пересолить, чем недосолить. Лучше сконцентрировать картинку, чем тешить себя иллюзиями. Лучше испугаться будущего, чем надеяться, что все у вас будет замечательно само собой.

Не будет. Даже если очень сильно того желать.

Даже если только этого и желать.

Не будет!

Как у того старого еврея, который всю жизнь надеялся на чудо, всю жизнь молил бога, чтобы выиграть ему в лотерею. Так истово молил, так плакал-убивался, что даже ангелы не выдержали.

– Ну дай ты ему выиграть, – попросили они бога. – Ну ведь смотреть страшно, как он мучается!

– Да я-то что, – ответствовал бог. – Да разве я против? Да сколько угодно! Только скажите ему, пусть он лотерейный билет купит. Хотя бы один раз...

Часть вторая, формулирующая некоторые постулаты, без которых, как считает автор, обустроить жизнь затруднительно

Глава 11. Постулат первый, делающий попытку оценить стоимость человеческой жизни, или Знал бы, сколько стою, не продался бы по дешевке

Нашу жизнь нам портят два обстоятельства – первое, что она конечна, второе, что она досталась нам задарма. Конечность жизни очевидна – всех нас в конце пути ждет хладная могила или горячий прием крематория. В исключения – замораживание отрезанных голов, переселение душ и прочее – я не верю. Переселиться, может быть, и можно, но что мне

с того? Тот человек будет совсем другой человек, или, того хуже, будет какая-нибудь желтобрюхая жаба. Что это за жизнь в образе жабы? Не надо мне такого бессмертия, чтобы какой-нибудь малолетний мерзавец пытался надуть меня соломинкой.

Увольте.

Поэтому давайте исходить из того, что жизнь у нас одна и «прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно...». Впрочем, это меня куда-то не туда понесло. Эта книга должна быть выведена за рамки идеологий. Моя задача гораздо скромнее – дать инструментарий, с помощью которого можно строить и можно перестраивать жизнь. Такие отдельные детали мозаики, соединение которых дает возможность собрать приятную вашему глазу картинку. Какую каждый решает сам.

Отсюда сделаем еще один шаг – если жизнь у нас одна, то получается, что жизнь – это не что иное, как медленно текущая смерть. Потому что каждый прожитый день приближает нас... сами знаете куда.

А мы на что тратим эти дни? На ерунду тратим.

Да кабы мы узнали, что нам осталось жить месяц, разве бы мы так жили? Совсем по-другому бы жили. Как – это вопрос второй, главное, что не так!

Но если мы живем не так, как хотим, то какая же это жизнь? Ведь мы так часто и говорим: нет, это не жизнь. А что есть не жизнь? Не жизнь есть смерть.

Что совершенная правда!

Ибо невозможность жить так, как ты хочешь, по большому счету, равна смерти. Пусть даже растянутой на семьдесят с лишним лет. Просто это такая долгая агония.

Не поняв этого, невозможно оценить степень доставшегося нам богатства, именуемого – жизнь.

К сожалению, даром доставшегося.

Почему к сожалению?

Потому что то, за что мы платим, мы ценим. Причем ценим прямо пропорционально тому, сколько платим. А то, что досталось за просто так...

За появление на этот свет мы не платим. Ни копейки! И отношение к жизни у нас соответствующее. Бросовое.

Это все равно что получить талоны на бесплатное питание, профилактические или какие-нибудь другие. Неважно, какие, важно, что здоровую стопку.

Жалко их?

Да ничуть! Они же бесплатно достались.

Что, поесть хочешь? Ну иди сюда, на тебе один талон.

И ты хочешь? И тебе – на.

И вам.

А ты, так целую пачку получай.

За что?

Да ни за что, за просто так, за красивые глазки. Что мне, жалко, что ли? Набегай – разбирай.

И точно так же мы относимся к жизни.

Сколько тебе дней отстегнуть? Десять? На, получай десять.

А тебе сколько? Месяц? Держи три.

А тебе года не пожалею!

Они же мне за так достались...

Потеряв пальто, шапку, кошелек – мы расстраиваемся.

Потеряв день жизни – нет!

И это при абсолютной несопоставимости цены того и другого.

– Ну да, скажете тоже! Он же не пустой был. Там двести рублей было!

– Где?

– В кошельке. Который украли.

– Какие двести рублей? Я же не о них!

– А я – о них. Я на эти двести рублей...

– Да хоть двести баксов. Хоть двести тысяч баксов... Все равно несопоставимо!

– Ну ты, мужик, загнул! Двести тысяч несопоставимо?

– Нет!

– Всего за день жизни?

– Всего за день!

– Ну не знаю, лично я свой за сотку отдам. Наших, деревянных.

– Да? А если это будет последний день твоей жизни?

– Если последний? Тогда, конечно...

Вот это и есть истинная цена жизни. О которой каждый

из нас догадывается, только сформулировать не может.

Каждый из нас хотел бы иметь деньги. Миллион. А лучше два.

Хотели бы?

Хотели.

А согласились бы вы получить этот миллион и в придачу еще сто, но при...

Да погодите вы соглашаться, вы еще условия не дослушали!

Что значит, за такие бабки на все согласны, потому что деньги до зарезу нужны?

А если вы получите эти деньги только на полгода? А через полгода того, в смысле – сыграете в ящик?

Как – не надо? Вы же говорили, что вам деньги до зарезу нужны. Вот я и предлагаю – сто миллионов до зарезу...

Прочь пошел. Почти побежал.

Странный какой-то, говорил, что деньги для него счастье. А когда сказали: бери... Может, кто-нибудь другой согласится?

Вы?

Или вы?

Или, может быть, вы?

Ведь целых сто миллионов!

Нет? Не нашлось охотников?

И не найдется. Потому – что такое сто жалких миллионов в сравнении с жизнью? Копейки!

Тогда изменим условия договора. Для начала поднимем ставки до миллиарда. Мой миллиард против вашей... Нет, не жизни, никто вас за этот миллиард убивать не станет. И вообще пальцем не тронет.

Погодите тянуть руки! Ну что вы все время спешите.

Итак, новое условие будет такое – вы получаете миллиард и до конца жизни помещаетесь в камеру-одиночку, где можете тратить свой капитал как вам вздумается – пить, есть в три горла, покупать музцентры, телевизоры, видеюшники, модную одежду... Но в одиночку, всё в одиночку. Без права переписки, свиданий и живой человеческой речи.

Ну что вы на это скажете? Только не спешите, подумайте. И более всего подумайте о том, почему одиночное заключение считается одним из самых жестоких наказаний? И почему люди, попавшие в камеры-одиночки, предпочитают смерть, вплоть до самосожжения (!), в общем-то сносной жизни.

Подумали? И что решили? Отказаться решили? Не нужен вам миллиард в каменном мешке.

Правильно решили.

А если немного смягчить? В камере вас оставим, но на этот раз в общей, с уголовниками.

Опять не надо?

То есть на этот раз вы отказываетесь продавать уже даже не жизнь, а образ жизни!

Задумайтесь, вы отказываетесь получить миллиард за об-

раз жизни!

Ну да, отказываетесь.

Тогда – стоп! Тогда я прошу вас ответить на один очень важный вопрос. Отчего, отказываясь продать жизнь оптом, за миллиард (!), вы продаете ее в розницу за гораздо меньшие деньги. За копейки продаете! Этому – день, тому неделе... Постепенно набирая годы, десятилетия. Причем вообще без оплаты!

Почему в этом случае вы не торгуетесь?

Пусть мне объяснят, чем отличается продажа оптом от продажи в розницу? И так и так – продажа. Утрата жизни. У тюремной стенки или в собственном дворе – не суть важно. Причем, что интересно, в обычной торговле опт дешевле розницы, а здесь наоборот, здесь опт очень дорог, а розница бесплатна!

Ну как так происходит, что, зная истинную цену своей жизни, мы отдаем ее задарма?

Так, может, имеет смысл, помня о том миллиарде, хоть немножко поторговаться. Посмотреть на предложенный товар, пощупать его, понюхать, поискать в других местах, где он будет дешевле, попробовать сбить цену. Ведь мы это умеем, там, в обычной жизни, где дело идет о масле, кроссовках, плеерах. Там мы наобум лазаря товар не берем, там выбираем, требуем гарантий, хотя речь идет о несчастных сторублевых кроссовках.

А в жизни, где речь идет о жизни, мы эти навыки не ис-

пользуем. Совершенно!

Ботинки примеряем, а жену или мужа – нет!

Хотя ботинки, в переводе на время нашей жизни, стоят два-три рабочих дня, а ошибка в выборе супруга тянет на годы!

Почему, когда дело идет о жизни, мы становимся совершенно никчемными покупателями? Почему действуем наугад?

Вы знаете?

Я – знаю.

Потому, что не можем осознать свою жизнь как ценность. Как стопроцентно принадлежащее нам богатство. Которое стоит дороже 66 миллиарда, стоит дороже всего золота мира!

Потому что и за все золото мира вы не согласитесь на плаху и не согласитесь в камеру-одиночку.

- Ваша жизнь принадлежит только и исключительно вам.

Попробовал бы кто-нибудь покуситься на вашу жизнь. Посмотрел бы я, как вы будете отбиваться, как будете глаза выцарапывать и глотки рвать. Не имеют права вас убивать!

Но и, значит, не имеют права претендовать на минуты вашей жизни. Из которых состоит вся жизнь.

Так оцените себя, поднимите свою цену и перестаньте разбрасывать золотые дублоны принадлежащих вам секунд. Иначе пробросаетесь!

Однажды я понял, что все мы рождаемся на уровне Сократов, Ньютонов, Моцартов и прочих обласканных истори-

ей гениев. И должны жить не этой, а их жизнью. Все и без исключения. Ну разве кроме олигофренов.

Но только в отличие от них нам не везет – не те родители, не то воспитание, не та школа. Лет до четырнадцати мы тережим высоту не по своей воле, но потом-то, потом!.. Потом мы падаем по собственной инициативе, потому что не учимся, не читаем, не изучаем, не вникаем, не стремимся...

Много позже мы спохватываемся и начинаем карабкаться вверх, срывая на кручах ногти. И даже выигрываем несколько ступеней. До того по-глупому утратив сотни.

Выигрываем часть.

Проиграв целое.

Проиграв жизнь.

А могли...

Глава 12, доказывающая, что человек может все, или Кто больше других на себя берет, тот больше других получает

Тема этой главы является логическим продолжением предыдущей. Там я в меру своих сил пытался объяснить, что наша жизнь принадлежит нам, что цена ее, если переводить в денежный эквивалент, будет дороже всего золота мира и что распоряжаться этим своим капиталом можем только мы, по своему усмотрению и без каких-либо ограничений.

А раз так, раз я располагаю таким несметным стартовым

капиталом и имею право тратить его как хочу, то... то, получается, могу все.

Все могу!

Абсолютно все!

Все, что захочу!

Хотя я понимаю, что поверить вам в это затруднительно.

– Как так могу все? То есть это получается, что и «новым русским» могу?

– Можете.

– И народным артистом?

– Запросто.

– И поп-звездой?

– Без проблем.

– И чрезвычайным послом?

– Пожалуйста.

– И президентом страны?

– И президентом.

– Так не бывает.

– Бывает.

– Да? А почему тогда не все становятся звездами и посла-ми?..

Это верно – не все. Так как большинство претендентов сходят с дистанции еще на старте. Вернее, даже до старта, посчитав расклад сил для себя безнадежным.

– Да ты что, там такие лоси собрались, куда мне до них. Я даже и соваться не буду...

Не видим мы себя в телевизоре. И рядом с известными людьми страны не видим. По разную мы сторону кинескопа, они – там, мы – здесь. Выключить их при желании можем, а чтобы рядом встать или запросто так по плечу похлопать...

– Ой, что вы! Даже подумать страшно!

– Да отчего страшно? Что они, медведи какие гималайские или скорпионы, что до них нельзя дотронуться? Такие же, как и вы, люди-человеки – две руки, две ноги...

Согласны?

– Ну да, наверное, две руки... но все равно. Они какие-то другие, особенные.

– Ну вот, опять за рыбу деньги. Что вы заладили – вы и они. Все одинаковы. Просто они начали делать карьеру чуть раньше вас и потому больше успели. Кто вам мешает к их возрасту догнать и обогнать их?

– Ну, не знаю...

– Я знаю! Никто не мешает. Кроме, пожалуй, одного, хорошо известного вам человека.

– Кого это?

– Вас! Вас самих! Вы и есть главный свой враг. Из-за заниженной самооценки, чрезмерно развитого чувства субординации и чиновничества.

Ну, кто там для вас авторитет? Кто? Пугачева? Очень удачно выбрали. С большой форой. Уж к ее-то возрасту можно не то что с наших, с эмтэвэшных экранов не слезать.

Кто еще? Президент? Это круче будет, но тоже... И даже

семи пядей во лбу быть не надо, хватит двух с половиной. Вспомните, кто у нас был первый президент? Нормальный мужик-забулдыга из глухого уральского села. Про которого односельчане до сих пор говорят:

– Борька-то? Борька всегда баламутом был и теперь баламут!

А вы так даже не из деревни, а из города, и, значит, у вас шансы выше, чем были у него. Так что смело ставьте между вами и им знак равенства! Это две такие параллельные черточки. Да что же у вас все время галочка получается, открытая в его сторону?! Равны вы, априори равны. Вам надо только это подтвердить. Всего лишь.

Говорите, не получится?

Получится. Не может не получиться. Нет объективных причин, чтобы у вас что-то не получилось. Нет! Есть только субъективные. Вернее всего, одна субъективная: ваше нежелание, чтобы что-то получилось. По формуле: если что-то не можешь – значит, не хочешь.

Не хочешь!

И потому не можешь.

И никак иначе!

Головой мотаете? Пальчики начинаете загибать, объясняя, почему это невозможно.

Да знаю, знаю: денег – нет, связей – нет, высокопоставленных родственников – нет...

Только это все отговорки. Попытка оправдать собствен-

ную лень и боязнь ввязываться в драку. Вы бы лучше не жути на самого себя нагоняли, а подумали, как это дельце сподручней проверить.

– Ой, ну что вы, куда мне в президенты. Я вот тут в техникум надумал поступать. А потом, может быть...

Значит, не поверили вы мне. Не поверили, что возможно все. И знаете почему? Потому что привычный образ жизни менять не хотите. Ни за телевизор, ни за миллион наличными, ни за какие другие блага.

– Я не хочу? Да я только и делаю, что мечтаю вырваться отсюда.

– Мечтать, конечно, мечтаете, а так, чтобы по-настоящему, – палец о палец...

– Да что вы такое говорите?! Да я... Да мне...

– А хотите, докажу?

Ему. И заодно всем. Всем, кто в свои силы не верит.

– Хотите?

– Ну хотим.

Тогда позвольте небольшой пример, доказывающий, что, даже когда нам что-то надо, нам ничего не надо.

Итак...

Представьте, что однажды утром по местному радио вдруг передали сообщение: «Желающим получить миллион рублей наличными надо явиться в понедельник к восьми часам утра на центральный стадион».

– Вы как, хотите миллион?

– Еще бы!

– Ну так бегите быстрее на стадион.

Прибежали. Протолкнулись к столам, где узнали, что, оказывается, миллион дадут не сейчас, а дадут через год и не всем, а только тем, кто ежедневно будет вставать в шесть утра и пробегать десять километров. И тогда ровно через триста шестьдесят пять дней можно будет получить свои деньги...

Сложные условия?

– Да ну, ерунда. Подумаешь, вставать и бегать. За миллион-то.

– Ну-ну.

Теперь прикиньте, что будет происходить в первый день забега. Кошмар будет происходить! Почти катастрофа!

Народу... Весь город собрался от мала до велика! Протолкнуться невозможно, кругом сплошные локти и коленки. Интересно, где же они столько миллионов наберут?

Старт!

Побежали. Вернее, потекли в сплошном потоке тел.

В первый день...

А во второй?

Во второй стало чуть попросторней. Уже даже дышать можно.

В третий?

В третий уже приходится бежать, потому что с боков не подпирают.

В пятый?..

В тридцатый?..

В триста шестьдесят пятый?..

Догадываетесь, что будет в триста шестьдесят пятый? Только по-честному. Сколько претендентов дойдет до финиша к концу года? Ну?

Хорошо, если два-три особо нуждающихся в деньгах. Да и те – навряд ли. Ведь это ж каждый день надо вставать и каждый день бегать. Каждый божий день!

Вопрос на засыпку: что мы станем делать на исходе второй недели после старта? Напрягитесь, представьте себя в той ситуации. Ну что вы всегда делаете, когда вас заставляют куда-то, куда вам не надо, ехать и что-то, что вам не хочется, делать?

Правильно – торговаться начнете. С организаторами соревнования.

– А можно так, чтобы вставать не в шесть, а в семь или в восемь. И тогда получить не миллион, а пятьсот тысяч. Пятьсот тысяч тоже нормально...

– А что, если пробежать не десять километров, а пять? Или лучше три. И пусть будет тысяча. Мне и тысячи за глаза...

– Я два дня бегал? Бегал! Давайте мне мои две сотни, и будем считать, что мы в расчете. Ну хоть сотку. Ну хоть червонец на пиво.

Стонать станем, плакать, умолять, просить послаблений.

– Разрешите мне завтра и послезавтра не выходить на старт, а то ребенка в детсад проводить некому. Ну что вам

стоит? Всего три дня, а через неделю я опять выйду, сразу, как только следующий месяц закончится.

Ругаться будем. Возможно, даже матом.

– Да ты посмотри, погода какая! Добрый хозяин собаку не выгонит. Давай отменяй сегодняшний забег, к чертовой матери! И завтрашний тоже. Я прогноз слышал, завтра еще хуже будет. Давай ставь галочку, и по домам...

На горло начнем давить.

– Это кого вчера не было? Это меня не было? Это тебя не было! А я как штык! Вон там, в третьем ряду в синей телогрейке бежал. Глаза разуть надо было! Давай ставь мне участие, а не то я!..

Справки липовые понесем. Это обязательно.

– Вот врач написал, что у меня коленная чашечка разбилась вдребезги и бегать мне противопоказано. Я бы всей душой, но нельзя.

А никого не волнуют ваши справки, погода и семейные обстоятельства. Условие одно – вставать в шесть часов утра и пробегать десять километров. Каждый день. Триста шестьдесят пять дней. И миллион – ваш. Но... Никто этот миллион не получит. Вот если бы надо было встать не в шесть, а в три ночи и пробежать не десять, а сколько сможешь километров, отсюда – до пока не упадешь, это бы дело мы осилили. Привычным нам авралом. А так чтобы каждый день понемножку...

Думаете, опять преувеличиваю? Ничуть.

Что там миллион, даже угроза смерти не может заставить нас делать что-то каждый день. Вот, например, приходите вы к врачу, а он говорит:

– Бросайте курить, а то помрете.

Или:

– Не перестанете есть сладкое – долго не протянете.

Ну и что, оставите вы свою дурную привычку курить и лопать сладкое? Да ни за что на свете! Неделю, может быть, без сигареты и сладких пирожков продержитесь, но чтобы каждый день... Так и помрете. От чего сказали.

А вы говорите миллион...

– Не способны мы идти к цели год. Или два. И уж тем более три. Скисаем.

А потом говорим – невозможно это! И перечисляем – потому невозможно, поэтому...

Да все возможно. Совершенно все! Было бы желание.

Что, нужны дополнительные доказательства?

Ладно, представлю вам доказательства. Неопровержимые доказательства.

Для чего предлагаю сыграть в игру, которая называется исполнение заветных желаний. Естественно, ваших желаний. Желания – ваши, исполнение ваших желаний – мое. С гарантией, сопровождением и доставкой на дом.

Согласны? Тогда заключаем договор. Где: «Вы, именуемые в дальнейшем Заказчик, с одной стороны, я, обозначаемый как Исполнитель, – с другой, заключили настоящее со-

глашение о реализации ваших желаний...»

Нормально так? Тогда пошли дальше.

«Я – принимаю заказ, гарантирую его выполнение в согласованные с Заказчиком сроки и несу моральную, да хоть даже и материальную ответственность в случае невыполнения принятых на себя обязательств...»

Да, в том числе материальную!

Почему я так рискую?

Потому, что уверен в результате. Вы – не уверены, а я – уверен! В вас уверен! Настолько, что готов поставить на кон все, что у меня есть.

Ну что, бьем по рукам?

Ударили...

Чего вы там хотите? Школу с золотой медалью закончить?

Ладно, принято. Шейте выпускное платье под цвет золота.

И шнурок не забудьте купить.

Теперь ваш заказ.

Желаете в престижный вуз поступить?

Считайте, что уже поступили.

Диссертацию защитить?

Записал. Будет вам диссертация. Хоть две.

Английский в совершенстве выучить?

Ладно, выучите...

Да не волшебник я и не мошенник, просто, в отличие от вас, ЗНАЮ, что нет ничего невозможного, что любой человек, в том числе вы, способен добиться чего угодно. По край-

ней мере с помощью моего ноу-хау.

Что там последнее было? Английский язык? Ладно, пусть будет английский. Гарантирую, что через месяц-другой вы будете болтать, как англичанин. Есть у меня одна методика. Да не Илоны Давыдовой и не двадцать пятого кадра. Это все ерунда. Моя методика куда действенней будет. Моя методика...

Что вы спрашиваете?

Что вам нужно делать?

Ничего не делать. Только внести предоплату. Не маленькую, конечно. Потому что на эти деньги я найму... нет, не учителей, учителей потом, а вначале я найму пару братков. Таких бритоголовых, в синих наколках, с пудовыми кулачищами ребят, которые за деньги способны на все.

Они лучше учителей. Я вам точно говорю. Проверено.

Вот придут они к вам и, сплевывая сквозь зубы на ковролин, спросят:

– Это ты, что ли, хотел английский, блин, учить?

– Да, я.

– Ну чё, выучил те сто слов, которые тебе задавали?

– Ой, – всплеснете руками вы, – не выучил. Так получилось. Дела были неотложные, голова болела...

– А хоть, блин, пожар, – скажут они. – Нам твоя больная башка по барабану. Нам надо, чтобы ты сто слов вызубрил. Нам за них один мужик бабки отстегивает. А если не выучил – не отстегивает. Усек?

– Да выучу я, выучу.

– Конечно, выучишь. Только другие. А за эти – извини.

И валят вас на ковролин и пять минут бьют по лицу кулаками и по ребрам носками ботинок. Очень больно бьют, в кровь. Потому что если слабо, то вы никогда язык не осилите.

– Ну чё, понял теперь? Или подробнее объяснить?

– Понял я, понял!

– Выучишь слова?

– Выучу, выучу!

– Тогда сто за вчера и сто за сегодня. Короче – двести.

Завтра придем проверим. И если чё...

Ну и что вы после этого будете делать? Правильно – слова зубрить. Причем на совесть, так, чтобы они от зубов отскакивали. Или... Или завтра отскакивать будут зубы.

В итоге через полгода вы будете шпарить на английском, как на родном. Потому как деваться вам некуда. Или шпарить – или...

Ну что, поверили в мою методику?

Согласны, что с ее помощью можно английский выучить?

Хоть даже древнешумерский.

Ну вот видите...

Вообще-то это не мое изобретение. Это герой фильма «Джентльмены удачи» придумал. Сказал – или английский от сих до сих, или бритвой по горлу: чик и в колодец. Приду проверю.

Вот и попробуй не выучи!

Я действенность этой методики не только в кино, но и в жизни наблюдал, в той же армии.

Приходит в часть какой-нибудь таджик или киргиз, по неосмотрительности спустившийся из далекого аула в райцентр за солью и по той причине призванный на действительную воинскую службу, и с порога заявляет:

– Я ваш русский язык не знай и делать ничего не умею. Только баранов пасти. И то высоко в горах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.